ОИК

ЛБ 5

911.

оик
фут.

И. ТЕРЕНТЬЕВ

КРУЧЕНЫХ ГРАНДІОЗАРЬ

790697

ГОСУДАРСТВ. П
ИСТОРИЧЕС
БИБЛИО

155
911

79065

ГРАНДІОЗАРЪ.

Крученых самый прочный футурист как поэт и как человѣк.

Его творчество—крученый стальнои канат, который выдержит любую тяжесть.

Про себя он говорит:

Забыл повѣситься
Лечу к Америкам
(из его книги „**Взорваль**“)

а в „важныя минуты“ жизни Крученых молится:

бельяматокіяй
(оттуда же)

С этими двумя фразами он может пройти вселенную ниигдѣ не споткнувшись! Потому что в них ровно ничего не сказано, они великое ничтожество, абсолютный нуль, радіус котораго, как радіус вселенной—безмѣрен!

Никто до него не печатал такого грандіознаго вздора —Крученых воистину величайшина, грандіозный пуль, огром!..

Со смыслом жизни на 5-й минутѣ покончив
Ищу нелѣпія упорных маслаков

2 экз.

Чтоб грызть их зубами отточенными
Каких не бывает у заморских грызунов!
Моя душа—эссенція кислот
Растравит кость и упругія стали
Слюну пускает без хлопот
На страшном разстояніи
Не зная устали
Транспорт будалый!...

(из его книги „**Тушаны**“)

Когда публично выступает он с самостоятельным докладом, его лицо, перекошенное судорогой зѣвоты, кажется яростным, он выкрикивает полныя сочной скуки слова и доводит до обморока однообразным построеніем фраз...

Ему возражают цивилизованные джентльмены, но в этот момент вы начинаете понимать насколько неопровержим Крученых, что из его гримасной слюны рождается пятносая Афродита, перед которой вѣжливо принуждены расшаркиваться приват—доценты.

Такова творческая сила нелѣпости:

. . . Голая чушь
Какой не бывает короче
И злѣй и глуше

(Крученных „**Город в осадѣ**“)

И будет не то что мы в газетѣ ежедневно
читаем
Перепутаю всѣ края

Выкрою Нью-Йорк рядом с Китаем
И в началѣ происшествій и новых алфавитов
поставлю
Я.
Будет Чехов сидѣть на французской горчицѣ
Перьев своих сильнѣе острясь
На колѣни к нему в восторгѣ вспрыгнет спина пѣвицы
А вмѣсто меню захудалых-ручаюсь!—безконечная мразь!
И на баранинѣ клеймо: огромной закорюкой мой клятый глаз!
Пусть красками всѣх афиш и погребальных объявленій
Будет кричать мое: гви—гва!
Пусть прославляется красный нуль и геній
И лопнет от гнѣва редактора голова!

(из книги „**Буг — будды**“)

В русской поэзіи „голая чушь“, начиная уже с символистов, медленно подтачивала кривизной и шероховатиной билліардный шар обмысленнаго публикой слова. Корнеплодство в огородѣ Хлѣбникова, слова изнанкой —„от трех бортов в угол“—Маяковскаго, являются послѣдней попыткой сдѣлать слово замѣтным хотя бы по яркой дырѣ: но этого уже недостаточно. „Тринадцатый апостол изысканнаго метафоризма—Маяковскій безнадежно орет:

Милостивые Государи
Заштопайте мнѣ душу...

Исторія футуризма—увлекательная повѣсть для Энциклопедическаго словаря, но футуристы **все** забывают: может у них и памяти нѣт никакой!...

Так или иначе, будальный Крученых всегда „бьет по нервам привычки“ и теперь уже он, если кто-нибудь, слушая „ноктюрн на флейтѣ водосточных труб“ в его присутствіи „подавится восторгом“ Крученых пропишет:

душистое рвотное

(„Восемь восторгов“)

Молафар... озной... озноб... мымз... мылз... экка... мыкыз!.. („наступленіе“ и др). Всѣм кто

С чужой Люлей
Невѣстой Брюсова
заплюзганной
глязюли акушеркой
Цлами цлай
Охт зо 5 ч утра . . .
сглазили смокинг!.
Наемь... онота

(„**Любвериг**“).

На смѣну поэзіи обновлявшей (Бурлюк, Хлюбников, Маяковскій) идет поэзія просто и совсѣм новая. В 13-м году Крученых обнародовал „Декларацію слова как такового“, гдѣ впервые говорится о нѣкоем „свободном заумном“ языкѣ, который „позволяет выразиться полнѣе“:

го—оснѣг —кайд и т. д.

В своем творчествѣ Крученых еще не окончательно расквитался с „умной" поэзіей, гдѣ стоит на послѣдней ступени безумія, дразнясь и хитро увертываясь от лавроваго листа:

Я спрятался от солнцев
чтоб не сглазили

(из „**Во — зро — пщем**")

впивается в ногти стальной каприз

(„**Будалый**")

Уѣхал в Чагодубію
притворился буддою

(из „**Мірсконца**").

В произведеніях написанных на языкѣ „умном", орбита кото раго цѣликом проходит среди т. наз. „обстоятельств жизни" Крученых наугад, но в математически точных формулах без предѣльнаго вздора утверждает прочность своего ума зашед шаго за разум и дѣлающаго разуму „рожки".
Здѣсь он внѣ стиля, внѣ всего, что завѣдомо хорошей марки -хотя бы футуристической.
Падая в пропасть, а не с какого-то этажа в лужу, он разви вает безудержную инерцію, которая прорѣзывает живот земли. и вот:

Тянуткони
Непонятныя нони.
Звѣрь испугался
Откуда галь ся.

Вмѣсто разслабленной поэзіи смысловых ассоціацій здѣсь пре лагается фонологика, несокрушимая как осиновый кол.

Везут осиновый кол
Убьют живых чол

(„Взорваль“).

О чем говорится в этих стихах?

Такія слова, как „нони“ и „чолы“, странны, они туго воспринимаются, не чешут пяток воспоминанія, они тешут осиновый кол на упрямой головѣ людей с хорошей памятью.

И в результатѣ эти стихи будут поняты!

К ним прилипнет содержанье! И не одно, а больше чѣм ты можешь выдержать. Потому что нелѣпость — единственный рычаг красоты, качерга творчеств:

„голая чушь“ — чудо!

Поэты символисты, утвердившіе в себѣ союз формы и содержанія, были кровосмѣсителями, их потомство рахитично, оно:

Чахоточной ночью выхаркано
в грязную руку Прѣсни

(Маяковскій).

Только нелѣпость дает содержаніе будущему:

Нулево
Пулево
Кулево . . . . дыж

(из „Ожирѣнія роз“)

Ягал — млы

(„Бѣгущее“)

хо — бо — ро
мо — чо — ро

(из „Фо — лы — фа“)

Эти слова втираются в кожу сознанія, животворя его.

В равной степени они могут излечивать насморк, ревматизм и шератизм:

моя стихина
сильнѣй стрихнина.

Внѣшнія формы и условія творчества Крученых так же нелѣпы, как их сущность. Он „забыл повѣситься“ и теперь не удержимо издает маленькія книжки собственноручно рисуя и шапирографским чернилом. В каждой такой книжкѣ не набе рется болѣе 100 букв: двѣ-три фразы, рекламное названіе вот уже новая книга Крученых, подлинная рукопись, рисуно нестрочье, гдѣ буквы ле-та-ют, присаживаясь на квадрат тре угольник или суковатую поперечину...

Такія книги не исправляются автором, не переписываютс онѣ точный слѣд крови произвольно упавшей из наклоненнаго бумагѣ пера; онѣ пахнут фосфором, как свѣжіе локоны мозг Вот „Город в Осадѣ“, гдѣ выпускаются на улицу „свирѣпы вещи“ вмѣстѣ с воззваніем сумасшедших, которые диктуют вс му „наизнанку законы:; „Восемь восторгов“—приходо расходна тетрадь радостей футуриста; „нестрочье“ заявляющее о „с вершенной откровенности“ автора, когда он пишет на родно заумном языкѣ. „Ф/нагт“, „Шбыц“, „ра/ва/ха/“,... этим кн гам нѣт конца и не будет:

все хорошо, что
хорошо начинается
и не имѣет конца..

Этими словами заканчивается драма-опера Кручен „Побѣда над солнцем“. Здѣсь он оказывается бѣш

ым драматургом. Его драму нельзя читать: столько туда вкоочено плѣнительных нелѣпостей, провальных событій, шараающих перспектив, от которых станет мутно в головѣ любого ежиссера. „Побѣду над солнцем“ надо видѣть во снѣ или по райней мѣрѣ на сценѣ. Это не „ошибка смерти“ Хлѣбникова дѣ всѣ сидят в одной комнатѣ, раговаривают и входит какой-о неизвѣстный и еще что-то разговаривают и что-то читают.... ту пьесу можно безболѣзненно муслить в кабинетѣ.

Здѣсь сказывается глубокое различіе темпераментов; домонитствующій, комнатный схоластик Хлѣбников и летящій на мерикѣ Крученых.

Домашняя мистика не интересует Крученых. В своих кричесских произведеніях он любит все сводить к ярой практикѣ ворческаго ремесла.

То, что безцѣльно путает должно быть выброшено: чорта, сѣдлавшаго русскую литературу, он превращает просто в дворика, который не хуже других:

И бѣс стал пятиться невольно
Замѣтя что глумлюсь
Щипнул себя, щипая больно
Тебѣ я предаюсь

(„Полуживой“)

В той же книгѣ („Чорт и рѣчетворцы“) вмѣстѣ с побѣдой ад чортом заявлена побѣда над „украшеніем ада“ сладострастіем. Величіе этого послѣдняго идола колеблется:

Тебѣ навѣки я отдадена
віяся вѣдьма изрекла

И вѣтр и звѣрь и дѣва-гадина
Касались моего чела.

(„Полуживой“)

Побѣда над великой Вавилонской Блудницей! Тут впервы
наступил момент, когда все разрушено вплоть до апокалипсич
ких ужасов и начинается „Мірсконца“.

Эта мысль — „мірсконца“ — записанная как одно слово, фу
дамент футуризма. Новый мір уже начался вытѣснив соб
всѣ нѣжныя воспоминанія; вот почему футуристы о таинстве
ной, строгой и нѣжной лунѣ — Саломеѣ говорят, что она сдох

Мір не умер, не почил, а именно подох, потому что от не
теперь ничего не осталось кромѣ „блевотины костей“ и
„душистаго рвотнао“. Тѣ, что с вѣрою ждут еще „конца свѣта
не замѣтили минуты, когда мір погибал! Для Крученых „свѣ
преставленіе“ факт давно совершившійся и даже малоинтер
ный!.. Казалось бы, что „мистическаго“ в ярких клеен
бумажках, которыя дѣлает Крученых вмѣсто картин: не то
самое нравится дѣтям и дѣти, придя на выставку картин
туристов, совсѣм не боятся бумажек Крученых.

Почему же родители их полны ужаса под маской него
ванія и презрѣнія?!

Не потому-ли что тут они не узнают себя, природы, все
что существует с начала міра и должно существовать до „к
ца свѣта“! Должно существовать, время еще не пришло, а ме
тѣм в бумажках Крученых уже ничего нѣт! Что это? Издѣ
тельство? — два черных прямоугольника, из которых один б
хатно матовый квадрат, а другой лакированно блестящая поло

А вдруг в слѣдующій раз он возьмет и наклеит только ин блестящій или матовый квадрат?! что тогда?! Тогда „ко- ц свѣта“! И с дѣтства привичный для человѣчества страх чи и свѣтопреставленія подымается в душѣ взрослаго чело- ка, потому что не замѣтил он как мір кончился и начался конца... без „трубнаго гласа“, мір заумный заойный .. Для х, кто этого не замѣтил, мір продолжает существовать, но ученых давно заявил в „Побѣдѣ над солнцем“;

знайте, что земля не вертится.

Понимающіе слово-мірсконца **только** как символ творческа- обновленія или чего нибуд еще, — заскакивают вперед, но удачно, потому что символическое пониманіе вещей не дает тдаленнаго постиженія живой и плотской мысли: — мірсконца.

Мірсконца пока еще не символ, а только факт. Только тушій голос Алексѣя Крученых. Только он, Крученых, писав- й вмѣстѣ со всѣми русскими поэтами футуристами и объеди- вшій в своих книгах всѣх русских футуристов художников, торые любовно украшали его „голую чушь“ собственной ушью“, может теперь, принеся догмат и войну, прокричать:

И так живу
Полый
Протух
Пѣтух мудрости
(„мятеж на снѣгу“).

Мнѣ смерти нѣт и нѣт убоя в лицо плюют карболкою на- сно как будто пухну от ядопоя а пистолета выстрѣл застѣн- во гаснет.

(„Будалы“).

Но всѣ эти крайнія нелѣпости, этот театр безумія, явл
ется только подходом к иному, еще большему вздору заум
му языку. Весь футуризм был бы ненужной затѣей, если бы
не пришел к этому языку, который есть единственный для
этов „мірсконца".

Голосом звонким как горлочервонец шекспировскаго об
ванца были выброшены первыя будетлянскія слова:

Дыр-бул-щыл
Глы—глы—воггулы
Чагогдубія
го—оснѣг—кайд

Здѣсь впервые русская поэзія заговорила гортанью му
чины и вмѣсто женственных: энных, енных, еній, эта гло
исторгла букву „Г",—„глы—глы". Мужственность выразил
не в сюжетѣ, что было бы поверхностно, но в самой сер
винѣ слова—в его фонетикѣ, как это уже намѣчалос в сло
гвоздь, голандос, Ассаргадон, горилла...

К. Малевич пишет: „Бумг, мумомнг олосс, ачки об
гламглы"—в послѣднем Вашем облыг лежит большая ма
звука, которая может развертываться, и конечныя буквы д
уже сильный удар, подобный удару снаряда о стальную стенк

Военный вызов

Ууа—ме—гон—э—бью
ом—чу—гвут—он
за—бью..
Гва—гва... уге—пругу
па—гу...

Та—бу—э—шиш...
Бэг—уун—а—ыз.
Миз—ку—а—бун—о—
са—ссакууи.
Зарья? Качрюк?!!!

(из книги „Водалый водолаз").

(Кстати: это стихотвореніе еще раз докажет востроголовым шкиньянцам, что они **окончательно** не могут отличить Крученых от Пушкина.) Стихи должны быть похожи не на женщину, а на „грызущую пилу". Вот какое обязательство принял на себя первый заумный поэт Крученых.

Но это обязательство он выполняет, конечно, так же как и всякое другое п. ч. он художник, которому не важно придавать в русской поэзіи эпоху „мужества" или иную,—он должен жить, оставаясь чистым нулем—он может напр. и кокетничать:

ик вик любверик
ікі кри
Карчи! . . .

(„Будалый")

Ему некогда останавливаться на исторической самооцѣнкѣ перед зеркалом славы, когда „будалая" эпоха наступила и творятся самыя необходимыя слова:

Янь юк зель дю гель газ шья жлам низвак, цлам цлай, бандалы... А вот милые стихи послѣ которых всяческая неприличность исчезает:

іемень
мень
ень
зья фью ра
зьяньте мня.

(„Дюбовяй")

Таким образом Балерій Брюсов дождался отвѣта на свой вопрос „гдѣ вы грядущіе гунны?", а Мережковскій простым глазом может видѣть „свинью летящую в лазури".

На заумном языкѣ можно выть, пищать, просить того
чем не просят. касаться неприступных тем, подходя к ним
лотную, можно творить для самого себя, потому что от с
нанія автора тайна рожденія заумнаго слова скрыта почти
же глубоко. как от посторонняго человѣка.

Но заумный язык опасен: он убьет всякаго, кто, не бу
чи поэтом, пишет стихи.

Заумнѣе стихи ему не понравятся, а дверь мышеловки
хлопнется сама собой.

Когда-нибудь новый Даль или Бодуэн, составит толко
словарь заумнаго языка общаго для всѣх народов.

Новый Грот упорядочит правописаніе.
Тогда явится и новый футурист.
И это будет наш Алексѣй Крученых...

Достоевскій вѣрил, что Россія „спасет Европу", в н
дни русскій народ клянется „научить" ее, у нас: или все,
нуль, или научить или по крайнѣй мѣрѣ проучить, сотво
грандіозную мерзость.

Послѣднія морфологическія изысканія Крученых в кн
„Малахолія в капотѣ" установливают несомнѣнную анальн
пракорней русской рѣчи, гдѣ звук „ка"—самый значитель
звук.

как та дѣва что спаслась
по пояс закопавшись в грязь

(подробно в книгѣ Крученых „Ожирѣніе роз", мой разговор с ним на „М
холіи в капотѣ") Европейскій футуриз весь в предѣлах нѣкой случа
идеалогіи и техническаго овладѣнія быстротой.

Мы же органичны и безпредѣльны, почему Крученых и изрек одн
какистину, что у русских футуристов есть наемники: футуристы италіа

Природныя свойства русскаго языка еще Пушкину дали как-то воз-
ожность оскорбить Европу риѳмой, что связывает существенную анальность
ашу с нашим же отношеніем к Европѣ.

Крученых не мог, будучи русским, остаться только русским поэтом
утуристом: он позволил себѣ **всѣ непозволительные поступки и** остался гран-
озным нулем как Россія абортировавшая войну: жижа сквернословій Мои
рики самозванные не пишу к ним предисловія
Я весь хорош **даже** бранный! (из книги дурных слов)
н не будет **популярен**, его не ухвалишь, он бурный грандіозарь, настолько
еликій для Чуковских, что они из всего Крученых увидѣли лишь кусок ци-
опическаго коричневаго голенища. Скоро они и вовсе перестанут видѣть
рученых, сусь котораго уже утонула в заумном. Вот послѣднее благоже
тельно—умное слово,—завѣщаніе Величайши—вам:

И будет жужжать зафрахтованный аэроплан
Увозя мои свѣжія стихины
За башню Эйфеля, за бѣглый океан—
Там ждут их омнибусов спины,
И вновь испеченный—я конкурент мороженой свинины!

Схватят жирные экипажи тонкими руками
Мои поюзги и повезут по всему свѣту кварталов
По Сити, по Гай-Старам
Удивленные люди остановят машины и трамы
И солнце повиснет как бабочка на рамѣ!

Всѣ читать заумь станут
Изучая мою поэтскую сустень....
Радуйтесь же пока я с вами
И не смотрите грустными.

(из книги Крученых „Будалый“).

И. Терентьев.

А. Крученых

И. Терентьеву на локоны мозга.

В кудри мозга моего
Она заплелась ногами
И завила в излом его
Прижгя горячими щипцами!

Муза подбрасывала угли
Крючками кочерги ног
Скрыть смогу ли?—
Как лягухушку мое сердце прочмокнул Али!...
я был влюбленно—**строг**...

Ответ Терентьева

Мильон я твою чушь
вот как тебя люблю!
монетой звонкой колочу
пластами золотно графлю
создателю поюзг!

А вот еще лучше:
удалый будала
фабула кабула
Карчи, слушай!..
Пок! пок! пугамек.
Тра—ла—ла...

Посвящается Карчи

ража со взломом—твой профиль
рогій пилотскій—ограбленіе касс
в каскѣ твоя голова.

ожаще влюбленный—вы безнадежно сдохли...
ерх прошумѣл черный баркас
колыхаясь едва...

ирода сбоку на прискоку
приводѣ родѣ водѣ... дря..—

Отвѣт Карчи. „Вогарчи.„

Чол чло—ал
жан—чол
чул чуллы
вожулы
фужулы
у—у
чурры
ррр муррр
чол чбой.

. . . . . .
ьнь чольнь чуленек
чурик
й
чек

(Карчи Кручи „Гол гло—ал“).

OUK-70310